

Евгений Лукин

Дым Отечества

Евгений Лукин
Дым Отечества

«Автор»

1999

Лукин Е. Ю.

Дым Отечества / Е. Ю. Лукин — «Автор», 1999

Сборник стихотворений 1977–2001: Четвертованная грусть (1976–1997); Золотой застой (1976–1986); Если в зону придет демократия (1987–1991); Я – твой племянник, Родина! (1992); Дым Отечества (1993–1996); Вневременное.

© Лукин Е. Ю., 1999

© Автор, 1999

Содержание

Четвертованная грусть	6
Белая усадьба	9
Золотой застой	14
Мартен и Расин	14
Строительный этюд	15
Баллада о браконьере	16
На дачах	18
Монолог патриота	19
Песенка на укушение	20
Улица Хиросимы	21
Педагогическая поэма	22
Песенка впотьмах	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Евгений Лукин **Дым Отечества**

Стишки и песенки

Найденьицу

Четвертованная грусть (1976–1997)

* * *

Прав Ты, о Господи, трижды прав
в этом обвале бед,
но разреши обратиться в прах –
сил моих больше нет.

Прав Ты, и кара Твоя проста:
в белый смертельный сплав
слиты время легких растрат
и время тяжких расплат.

Трижды прав Ты, но в муке дня,
который там, впереди,
Господи, убивая меня,
любимую пощади!

* * *

Мир – сотворен. Границы – отвердели.
Который раз по счету сотворен?
И, верно, не на будущей неделе
очередной великий сдвиг времен.

И потому-то думается людям,
что неизменен будничный уклад.
И мы живем. И мы друг друга судим.
И кто-то прав. И кто-то виноват.

Сумеет ли за малое мгновенье
понять, что ни один из нас не прав,
когда Господь для нового творенья
смешает с глиной контуры держав?

* * *

Будут ли тому причиной войны

или наступленье тяжких льдов –
мы уйдем. Земля вздохнет спокойно,
распрямя шрамы городов.

Разве это не издевка злая:
пробуя на ноготь острие,
взрывами и плугами терзая,
люди звали матушкой ее!

Из окна – запруженная Волга.
Берега в строительной пыли.
Ждет Земля. Теперь уже недолго.
Мы уходим. Мы почти ушли.

* * *

Не от творца, не от скупщика душ –
стыдно сказать, от плотины зависим.
Вот и стоит рукотворная сушь
над белизною песчаных залысин.

Волга слепит равнодушной слюды.
Ни рыболова на отмелях этих –
только цепочкою птичьих следы,
словно гулял одинокий скелетик.

* * *

Счастье, выглянув едва,
обернулось пьяным бредом.
То ли предали слова,
то ли я кого-то предал.

Цвета крови и чернил
грязь и ржавчина в горниле.
То ль кого похоронил,
то ль меня похоронили.

Безнадежное «зеро».
Где же адская бумага,
петушиное перо,
опереточная шпага?..

Год любви любой ценой –
вот и все, о чем просил бы...

Как ты выдуман, Хромой,
беспощадно и красиво!

* * *

Мне снятся сны, где все – как наяву:
иду проспектом, что-то покупаю.
На кой я черт, скажите, засыпаю –
и снова, получается, живу?

Я эту явь когда-нибудь взорву,
но не за то, что тесно в ней и тошно,
и даже не за подлость, а за то, что
мне снятся сны, где все – как наяву!

Белая усадьба

Ох, упрям! Сижу в кабаке.
Сыт и пьян, и нос в табаке.
То ли песня вдалеке,
то ли где-то свадьба...
Штоф вина на столе пустом
у окна, а в окошке том –
над господским над прудом
белая усадьба.

Сыр да бор да негромкий сказ,
мол, недобр у барыни глаз –
привораживает враз,
хуже не сказать бы...
Черти пьяные, вы о ком?
Я-то с барыней не знаком!
Ну а сам взгляну тайком
в сторону усадьбы.

Что ж, колдунья, твоя взяла!
Грош кладу я на край стола.
Углядела, повела...
Век тебя не знать бы!..
Волшебством ты и впрямь сильна:
я в шестом кабаке спьяна,
а в окошке вновь она –
белая усадьба...

* * *

Я к тебе уже не приду.
Никогда тебе не спою.
Оставайся в своем раю –
я останусь в своем аду.

Иногда лишь приснится сон:
позолота старинных книг,
за окошком – прибоя стон
и раскинувший крылья бриг.

Я бы мог за тобой пойти
в черный ад под вороний грай.
Только в рай не могу, прости,
потому что не верю в рай.

Наша жизнь – как проклятый круг
из предательств и суеты.
Иногда лишь приснится вдруг
все, о чем говорила ты.

Выбирай тут, не выбирай –
круг проклятый рванет назад.
Да и рай твой – лишь с виду рай,
а присмотришься – тот же ад.

Я к тебе уже не приду.
Не бывать нам с тобой вдвоем.
Я останусь в своем аду.
Оставайся и ты в своем.

Иногда лишь приснится сон...

* * *

Так неистово светла
грань весеннего стекла,
что хотел бы жизнь растратить –
да растрочена дотла!

Четвертованная грусть.
Четвертованная Русь.
Я к тебе через границу
и ползком не проберусь.

Кружевные берега
да непрочные снега –
все как есть перечеркнула
полосатая слега.

Вот и водка налита,
да какая-то не та:
вроде пробую напиться –
не выходит ни черта.

Колобродит у окна
одичалая весна.
Впору гибнуть за Отчизну,
хоть и бывшая она...

* * *

Как ты там, за рубежом,
у стеклянных побережий,
где февральский ветер свежий
так и лезет на рожон?

Та ли прежняя зима
в городках, где даже тюрьмы
до того миниатюрны,
что уж лучше Колыма?

Ты в моем проходишь сне
мостовой черногранитной
за новехонькой границей
в новорожденной стране.

Взять нагрянуть невпопад
в город вычурный и тесный
под готически отвесный
прибалтийский снегопад...

Ты откинешь капюшон,
на меня с улыбкой глядя.
Растолкуй мне, Бога ради:
кто из нас за рубежом?

* * *

Скорлупка бигуди.
Пылятся кружева.
Послушай, разбуди,
скажи, что ты жива.

Такой подробный бред –
до складочки по шву.
И пачка сигарет
лежит – как наяву.

* * *

Точно не твою судьбу, но чью-то

одарил Господь, попутал бес.
Краткое, свершившееся чудо.
Больше не предвидится чудес.

Говори что надо и не надо,
только о случившемся молчи.
В черном кофе кубик рафинада –
белый домик раствори в ночи.

* * *

Еще жива отзывчивая плоть.
Еще чудит, петляет колея.
Поистине всемилостив Господь,
когда щадит такую тварь, как я.

Самовлюбленный жадный упырек,
что я творил! И что я говорил!
А Он меня не только уберег –
Он мне с тобою встречу подарил.

* * *

Слова – достойны, речи – гладки,
и все не врубимся в одно:
что гений – это недостатки,
каких нам сроду не дано.

Дразня, круглятся, что орехи,
из безупречной шелухи
их гениальные огрехи
и гениальные грехи.

* * *

Неба серое болотце.
Влажная стена.
У балкона чайка бьется,
будто простыня.

Бедолага, шаромыга,
марлевый испод.

Это утро. Это Рига.
Это Новый год.

* * *

Забавно сознавать, но Робинзон-то –
в тебе. Не на рисунке. Не в строке.
Куда ни глянь, вранье до горизонта,
и ты один на малом островке.

Что остается? Верить в милость Божью,
когда волна пугающе близка,
да подбирать обкатанные ложью
обломки истин с белого песка.

* * *

Ах, какого защитника дал тебе добрый Господь!
В беспощадные ночи, когда подбиваешь итоги,
вновь приходит на помощь веселая сильная плоть,
и убийца по имени совесть уходит с дороги.

Но когда твою плоть на глазах твоих скормят земле
и шагнет к тебе совесть с застывшей усмешкой безумца,
ты еще затоскуешь, дружок, о кипящей смоле,
раскаленных щипцах и зазубренных тяжких трезубцах...

Золотой застой (1976–1986)

Мартен и Расин

Басня

Под приятную трель клавесина
ежедневно читая Расина,
жил блондин по соседству с мартеном,
по утрам просыпаясь шатеном.
...Ты умойся сперва керосином,
а потом увлекайся Расином.

Строительный этюд

Бухой водитель вывалил вчера
полкузова бетона в бункера.
Никто не всполошился до утра.
Бетон засох. Долбаем бункера.
Растет обломков сизая гора.
Бетон гудит. Долбаем бункера.
Над нами зной звенит, как мошкара.
В глазах темно. Долбаем бункера.
Глядите все! Поближе, детвора!
Вас это ждет. Долбаем бункера.
Шло казачье на нас, шли юнкера...
Разбили их... Долбаем бункера...

Баллада о браконьере

Строга статья закона и стара:
олень – для королевского стола.
Но вот однажды этого оленя
ударила каленая стрела.

Виновного искали до среды,
но были так запутаны следы,
что встал король и разразился речью
в защиту окружающей среды.

Сказал: «Мы забываемся порой!
Охотой занимается – король.
А если каждый подданный займется,
то нам придется завтракать корой!»

А браконьер таился в гуще трав
и думал так: «Король, конечно, прав.
Однажды со стотысячной стрелой
уйдет олений топот из дубрав...

Но не могу, подлец, жевать мякину,
когда король смакует оленину,
когда кругом такая даль и ширь!...»
Он так решил. Я тоже так решил.

Потом прошли не годы, а века.
Где лес шумел – там плещется река.
А в целом ничего не изменилось:
строга закона старая строка.

И браконьер пиратствует в ночи.
В него ракеты садят скурмачи.
А он, родимый, скорчась за мотором,
«казанку» молит: «Падла, проскочи!»

Строга статья закона и стара.
Ему внушает радио с утра,
что по вине таких вот браконьеров
не станет скоро в Волге осетра.

Он думает: «Конечно, это да...
Останется в реке одна вода...
И что печальней может быть на свете
решения народного суда!..

Но как смотреть на голую витрину,
когда обком смакует осетрину,
когда кругом такая даль и ширь!...»
Он так решил. Я тоже так решил.

* * *

Я волнуюсь, читая стихи:
не слова, а прозрачные слезы!
Все твердят, что пришли от сохи,
что вчера еще слезли с березы.

О родной вспоминают стезе,
где зады поросли лопухами.
Так и видят себя в картузе
и в рубахе с шестью петухами.

И живут, разрывая сердца
под трамвайно-троллейбусный грохот.
Эх, найти бы того подлеца,
что насильно отправил их в город!

Я найду его. Зол и речист,
я прорвусь через сто кабинетов.
Я в лицо ему брошу: «Садист!
Ты за что же так мучишь поэтов?

Ты же слышишь, как стонет стило!
Здесь их жизнь и больна, и кабальна!
Отпусти ты их с миром в село.
Посади ты их там на комбайны...»

На дачах

Утро. За ночь став лохматее,
выхожу дышать простором.
До рассвета Волга (мать ее!)
тарахтела рыбнадзором.

Дачи. Рощи. Степи русские.
И пустые поллитровки.
Сохнут розовые трусики
на капроновой веревке.

Дунет ветер – затрещат они.
Вот рванулись что есть силы –
и забор, вконец расшатанный,
за собою потащили.

Но прищепка жесткой чавкою
держит трусики из принципа.
Не лететь им вольной чайкою
над просторами искристыми.

Мысль: судьба у всех почетная.
Не питайте к чайкам зависти,
если призваны подчеркивать
очертанья чьей-то задницы!

Монолог патриота

Что ты смотришь по-разному,
говоришь про топор?..
День Победы я праздновал –
занеси в протокол!

Бормотуха – извергнута.
А напротив, в кустах,
дуб стоит, как из вермахта –
весь в дубовых листьях!

А мильтоны застали на
том, что сек топором...
Так ведь я же за Сталина,
блин, как в сорок втором!

Я и за морем Лаптева
их согласен ломать!
Я ж – за Родину-мать его,
в корень с листьями мать!

Я их эники-беники
в три шестерки трэфей!..
А изъятые веники –
это как бы трофей...

Песенка на укушение

Михаилу-баши

От лиловых вершин Копетдага
до жемчужных зубцов Эвереста
раскатилось известие это
над песками шестого помола:
будто члена ЦК комсомола,
делегата двадцатого съезда
и редактора крупной газеты
укусила большая собака.

Было так: возвращались с аванса
вместе с замом дорогой известной,
а зубастая бестия эта
налетела на них косомордо:
«Где тут члены ЦК комсомола,
делегаты двадцатого съезда
и редакторы крупной газеты?»
(А на прочих она не согласна!)

Я прошу вас, товарищи судьи,
точно вычислить время и место,
чтоб она не ушла от ответа,
потому что прямая крамола –
тяпнуть члена ЦК комсомола,
делегата двадцатого съезда
и редактора крупной газеты...
Терроризм неприкрытый, по сути!

Вы заставьте собаку признаться,
с кем в сношеньях была до ареста,
и отправьте на краешек света,
где торосы мерцают у мола,
где ни членов ЦК комсомола,
ни редакторов крупной газеты,
где во сне никому не приснятся
делегаты двадцатого съезда!

Улица Хиросимы

(на известный мотив)

Тротуары выщербились с краю,
на асфальте – выбоины в ряд.
В эту ночь решили самураи
посетить родимый Волгоград.

Но разведка чертом из шкатулки
подняла уснувший городок –
и пошел утюжить переулки
броневой асфальтовый каток.

В темноте чернее каракурта
проложили пару автострад –
и себя, родимого, наутро
не узнал родимый Волгоград.

Плыл асфальт, на озеро похожий.
Иногда лишь попадался в ем
ненароком вдавленный прохожий,
потерявший всяческий объем.

Самураи едут на «тойотах»
и, сверкая стеклами очков,
все глядят на нас на идиотов,
ну а мы – на них на дурачков.

Простывает след от самурая.
В Волгограде стих переполох.
Никакая нынче вражья стая
не застанет Родину врасплох!

Педагогическая поэма

1.

Тяжелых туч мохнатая ладонь
накрыла всю окрестность до пригорка.
Дожди, дожди... Деревня – что ЛондОн:
не то Биг-Бэн, не то водонапорка...

Ах, ритмы, рифмы, краски и слова!
Где вы теперь, скажите Бога ради?
Я – педагог. И норма такова:
три стопки в день (не водки, а тетрадей)!

В окне – забор, к которому привык.
И вот гляжу с нервической улыбкой,
как пишет непристойность ученик,
причем с орфографической ошибкой.

Понятно все! Встречал я и не раз
на партах мат в одном и том же стиле.
И пусть не врет, что это – первый класс!
Там букву «п» еще не проходили!

Настанет ночь. Я выберусь во двор.
Дрожа рукой, пошарю по карману.
В крошечной тьме нащупаю забор –
и угольком исправлю орфограмму...

2.

«Итак, начнем! Учебники – открыли...
Отдай фонарь! Отдай. Потом верну...
Итак! За что Тарас убил Андрия
и как нам это Гоголь развернул?

Ответь...» И морды мраморный булыжник
всплывает метра на два предо мной.
Жует губами. Ничего не слышно.
Глаза полны собачьей виной.

На предпоследней парте возглас: «Черви!» –
и сдавленный ответ: «Иди ты на!..»

Длинна девица, словно третья четверть,
и столь же безнадежна, как она.

«Ты будешь отвечать?» Молчит – хоть тресни!
Окаменела, словно истукан.
На предпоследней парте возглас: «Крести!» –
и звяканье бутылки о стакан...

Песенка впотьмах

(наивная-наивная)

На ГЭС забастовка, полгорода тонет в ночи,
большие турбины вращает вода вхолостую.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.